

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ТАЛАНТУ — ЦВЕСТЬ!

...ЭТО произошло несколько лет назад на премьере «Иркутской истории» в Театре имени Маяковского. Многие почитатели этого театра, и я в их числе, впервые увидели появившегося на помосте, пересекающем зрительный зал, рослого, худощавого актера. Его манера игры настолько поразила. Я, например, не мог принять его в роли Виктора. Все казалось в нем излишним, нарочитым, преувеличенным: и «педалированные» интонации, и размашистость жестов...

Мне подумалось: может быть, первое впечатление от игры молодого актера обманчиво? Но вот я снова увидел Александра Лазарева, на сей раз в роли Кости Часовникова в «Океане» А. Штейна. И опять Лазарев, на мой взгляд, был далек от замысла драматурга. Его Часовников был жалок, издерган, весь на нервическом надрыве, лишен интеллекта и обаяния — словом, был не тем Костей Часовниковым, за которого в пьесе борются как за человека, временно

ошибающегося, но умного, талантливого, интересного.

Та же участь постигла и роль матроса-анархиста Гуца в первом варианте драмы А. Штейна «Между ливнями». А. Лазарев сыграл и эту роль, «изображая» изо всех сил.

Это очень огорчало.

А потом произошло, казалось, невероятное, но, в сущности, вполне закономерное явление. На одном из спектаклей второго варианта той же драмы «Между ливнями», признаться, я поначалу даже не узнал Александра Лазарева. Полноте, он ли это, играющий столь мягко, корректно, ничем не подчеркивая сочных, ярких черт анархистствующего «братисшки»?

Ныне матрос Гуца в исполнении Лазарева предстал перед зрителями трагической фигурой человека, оказав-

шегося в тулупе. Лазаревский Гуца не понял социалистической революции, метнулся от нее в лабиринт анархистской фразеологии, растерял в конечном итоге обличье элементарно порядочного матроса, запутался, опустился, став убийцей.

Все, наконец, проявилось, обрело свою форму, все, что ранее только подспудно таилось в молодом актере, — тонкость рисунка, мягкость исполнительской манеры, умение мыслить на сцене и быть верным правде характера. Именно этому учили А. Лазарева в школе-студии МХАТа в течение четырех лет, и именно это приобрел он, общаясь с такими мастерами, как Н. П. Охлопков, В. Ф. Дудин, Л. Н. Свердлин, Е. В. Самойлов. А с особой силой это сказалось в последней премьере Театра имени Маяковского — в

пьесе А. и П. Тур «Перебежчик», где Лазарев играет главную роль — немецкого лейтенанта Вальтера Шеринга.

И можно смело утверждать: именно с появлением в репертуаре А. Лазарева роли Вальтера Шеринга он избавился от того, что мешало молодому актеру раскрыть те качества, по которым можно судить о мастерстве, — тонкость общего рисунка, интеллектуальность, многообразие красок.

О Вальтере Шеринге — Лазареве много писали, отмечала удачу артиста и «Вечерняя Москва».

Мне остается добавить к этому немного. Роль немецкого лейтенанта, перешедшего в первые годы войны на сторону советских войск, сыграна на сей раз А. Лазаревым в лучших традициях Театра имени Маяковского. В

естественном реалистическом ключе.

Вальтер Шеринг, чья история удачно рассказана драматургами и увлекательно воплощена на сцене талантливым артистом, — сейчас это уже не подлежит сомнению! — глубоко взволновал зрителей.

Лазаревский Вальтер в отличие от своих недавних товарищей по оружию — турых фашистских бурбонов — духовно богат, тонок, умен. Он искренен, этот стройный, статный, подтянутый немец, медленно, но верно освобождающийся от автоматизма и других черт, отличающих гитлеровских вояк-роботов.

Артист подчеркивает в своем Вальтере его героическое и лирическое начало, его душевную чистоту, его благородство и веру в высокие принципы пролетарского интернационализма.

А. Лазарев в роли Вальтера по-настоящему эмоционален, темпераментен без малейшего наигрыша, трогателен без мелодраматического надрыва и гражданственен без риторики.

Как хорошо, что молодой актер, наконец, освободился от того, что ему мешало! Как приятно, что он осознал и понял, что нет выше задачи, чем быть верным правде характера.

Яков СМОЛЯК.